

В. А. Томсинов

**Референдум о сецессии
в конституционном
и международном праве
(крымский референдум 2014 года
с юридической точки зрения)**

Опубликовано:

**Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны». Научное издание
/ Под ред. А.А. Власова.**

М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 83–105.

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Референдум о сецессии в конституционном и международном праве (крымский референдум 2014 года с юридической точки зрения)

Референдум как один из способов выражения народной воли является прежде всего институтом конституционного права. Конституция Российской Федерации называет референдум и свободные выборы «высшим непосредственным выражением власти народа» (ст. 3). Конституция Украины относит референдум, осуществляющий народное волеизъявление, к одной из форм непосредственной демократии (ст. 69). Действующая Конституция Франции представляет референдум формой непосредственного осуществления народом национального суверенитета (ст. 3).

В юридической литературе высказываются различные мнения о об этой демократической процедуре. Некоторые правоведы выступают против ее применения для решения конституционных вопросов, стремясь доказать, что их рассмотрение в парламенте является более плодотворным, а референдум — чисто формальная процедура, не дополняющая представительную демократию, но лишь ослабляющая. Однако большинство правоведов именно референдум считает почти идеальной демократической процедурой и отвергает все доводы против него. «Убеждение, что граждане слишком невежественны, чтобы голосовать по вопросам напрямую, но способны избирать представителей, которые будут принимать "правильные" решения для них, это то, что я нахожу озадачивающим, — утверждает профессор Венского университета Деннис Мюллер. — Если очень сильно давить на невежество избирателей, то тем самым будет подорван не только этот демократический институт, но также институт выборных представителей и представительного правления... Все нападки на прямую демократию в конечном счете являются

нападками на все формы демократии»¹. Подобное мнение, но в более категоричной форме, выразил и профессор Оксфордского университета Вернон Богданор, сделавший в своем исследовании роли референдума в британской политике следующий вывод: «В конечном счете аргументы против референдума — это тоже аргументы против демократии, в то время как принятие референдума является лишь логическим следствием принятия демократической формы правления»².

Ученые, изучающие применение референдума в современную эпоху, признают, что значение этого демократического института в решении конституционных проблем за последнее время сильно возросло³. Причем особенно в тех странах, где по разным причинам конституция перестала выполнять свое предназначение, государство оказалось чрезвычайно слабым или пришло в состояние распада. В этих условиях референдум стал спасительной мерой, позволившей придать легитимность необходимым и судьбоносным для народа решениям.

Американский политолог Марк Уолкер, изучавший практику проведения референдумов в последние годы существования СССР и в бывших советских республиках, ставших после его распада независимыми государствами, написал в своей книге «Стратегическое использование референдума»: «Старые источники власти и легитимности были дискредитированы крахом коммунистической партии и коммунистической идеологии. Поэтому для политиков оказалось важным узаконить свои политические проекты с помощью механизмов, которые придают легитимность, открытым выражением воли общественности. Претендуя на роль процедуры, определяющей народную волю, избирательные институты и в особенности референдумы стали гласом народа... Механизм референдума

---

¹ *Mueller D.C. Constitutional Democracy. Oxford, 2000. P. 189.*

² *Bogdanor V. The People and the Party System: The Referendum and Electoral Reform in British Politics. London, 1981. P. 93.*

³ «В последние два десятилетия во многих частях мира все чаще стали проводиться референдумы, главным образом для того, чтобы узаконить конституционные изменения», — пишет известный британский социолог и политолог Дэвид Батлер, специализирующийся на исследовании выборов (*Butler D. Foreword // Referendums Around the World. The Continued Growth of Direct Democracy / Edited by Matt Qvortrup. London, 2014. P. IX.*)

предлагался и/или применялся 152 раза в период между 1990 и 1997 годами на территории советских и постсоветских государств. Таким образом, референдумы играют все более важную роль в переходных политических процессах, потому что они способны придать политическую легитимность и даровать власть путем наделения мандатом от народа»⁴.

Принятый 3 апреля 1990 года Закон СССР № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» предусмотрел применение референдума для юридического оформления выхода союзной республики из СССР и автономной республики из союзной. В статье 2 данного Закона говорилось: «Решение о выходе союзной республики из СССР принимается свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума (народного голосования). Решение о проведении референдума принимается Верховным Советом союзной республики по собственной инициативе или по требованию, подписанному одной десятой частью граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики и имеющих право голоса согласно законодательству Союза ССР»⁵.

Возможность выхода автономной республики и автономного образования из состава союзной республики путем референдума урегулировала статья 3 Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», провозгласившая: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно правовом статусе»⁶. В заключительной части статьи устанавливалось правило, согласно которому «в союзной республике, на территории которой имеются места компактного

---

⁴ Walker M.C. The Strategic Use of Referendums. Power, Legitimacy, and Democracy. New York, 2003. P. 10.

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. 1990. № 15. 11 апреля. С. 303.

⁶ Там же.

проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении итогов референдума результаты голосования по этим местностям учитываются отдельно»⁷.

Опираясь на данное правило, Четвертая внеочередная сессия Крымского областного совета народных депутатов 13 ноября 1990 года утвердила Временное положение о референдуме и порядке его проведения на территории Крымской области, включая Севастополь, и назначила на 20 января 1991 года референдум по вопросу «*Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?*». Участие в этом референдуме приняли 81,3% жителей Крыма, обладающих правом голосовать. Из них 93,2% дали положительный ответ на поставленный вопрос.

Верховный Совет УССР признал результаты референдума, но только в части воссоздания Крымской АССР. 12 февраля 1991 года он принял закон № 712-ХІІ, которым предписал: «Восстановить Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в пределах территории Крымской области в составе Украинской ССР». Между тем крымчане проголосовали в подавляющем большинстве за придание Крымской АССР статуса субъекта Союза ССР, то есть за выход Крыма из состава Украины.

Законом «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украины», принятым Верховным советом Украины 21 сентября 1994 года название «Крымская АССР» было заменено на «Автономная Республика Крым».

Референдум, проведенный в Крыму и Севастополе 16 марта 2014 года, при всех своих особенностях, являлся по своему смыслу повторением референдума 20 января 1991 года. Посредством нового референдума, как и с помощью предыдущего, решался один и тот же вопрос, а именно: **о выходе Крыма и Севастополя из Украины.**

11 марта 2014 года Верховный совет Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет одобрили Декларацию о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, в которой провозгласили, что «в случае если в результате предстоящего 16 марта 2014 года прямого волеизъявления народов

---

⁷ Там же.

Крыма будет принято решение о вхождении Крыма, включая Автономную Республику Крым и город Севастополь, в состав России, Крым после референдума будет объявлен независимым и суверенным государством с республиканской формой правления». В полном соответствии с назначением референдума населению Крыма и Севастополя были представлены на выбор два различных варианта будущего их республики. Крымчане и севастопольцы, обладающие правом на голосование, должны были ответить на следующие вопросы: 1. «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» и 2. «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?»

При подведении итогов референдума оказалось, что в нем участвовало 83,01% крымчан, имеющих право голосования (без учета севастопольцев). Из них за воссоединение Крыма с Россией проголосовало 96,77% человек. В Севастополе в референдуме приняло участие 89,5% жителей, имеющих право голосовать. Из них положительно ответили на первый вопрос 95,6% человек.

Таким образом, результаты референдума 2014 года оказались почти одинаковыми с итогами референдума 1991 года. Главное отличие нового референдума от предыдущего заключалось в том, что вариант, предполагавший выход Крыма из состава Украины, был сформулирован в виде вопроса о воссоединении его с Россией на правах субъекта Российской Федерации. В то время как на прежний референдум этот вариант предлагался в виде вопроса о воссоздании Крымской автономной республики в статусе «субъекта Союза ССР и участника Союзного договора».

Так как на общекрымский референдум 2014 года был вынесен вопрос, предполагавший выход Крыма из состава Украины, факт его проведения не соответствовал конституциям Украины и Автономной Республики Крым. В них отсутствовали нормы, дававшие законные основания для референдума о сецессии какой-либо территории из состава Украинского государства. Статья 73 Конституции Украины устанавливала категоричное требование: «Исключительно всеукраинским референдумом решаются вопросы об изменении территории Украины».

Между тем изданный 21 марта 2014 года Закон Российской Федерации «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» среди оснований принятия Республики Крым в состав России на первое место поставил именно «результаты общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 года в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, на котором поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации»⁸. Можно сколько угодно спорить о законности проведения в Крыму референдума о сецессии, но нельзя не признать, что воссоединение Крыма с Россией оказалось возможным только потому, что жители Крыма в подавляющем большинстве, почти все крымчане, участвовавшие в голосовании, выразили на референдуме стремление выйти из состава Украины и войти в Российскую Федерацию.

Однако западные политики, политологи и юристы, давая юридическую оценку воссоединения Крыма с Россией главное значение придали не референдуму, а присутствию во время его проведения на полуострове российских воинских подразделений. На основании одного этого факта они сделали вывод о том, что признав выход Крыма из состава Украины и приняв его в Российскую Федерацию Россия совершила акт «вооруженной агрессии» против Украины и «аннексировала» чужую территорию. При этом им было известно, что присутствие российских войск в Крыму предусматривалось заключенным между Россией и Украиной 28 мая 1997 года Соглашением о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины.

---

⁸ Другими основаниями принятия Республики Крым в состав РФ были названы: «Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя, а также Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов»; «предложения Республики Крым и города с особым статусом Севастополя о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь»; «настоящий Федеральный конституционный закон».

Так, 9 апреля 2014 года Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) большинством в 154 голоса при 14 воздержавшихся и 26 против приняла резолюцию, гласившую: «Ассамблея сожалеет, что демократические перемены и политические события в Украине были омрачены событиями в Крыму. Ассамблея решительно осуждает российскую военную агрессию и последовавшую аннексию Крыма, что является явным нарушением международного права, включая Устав ООН, Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также Устава и основных принципов Совета Европы».

Приведенная резолюция основывалась на докладе «Последние события на Украине: угроза функционированию демократических институтов», который был принят Мониторинговым комитетом Парламентской ассамблеи Совета Европы⁹ 8 апреля 2014 года. В 16-м пункте этого документа утверждалось: «Так называемый референдум, организованный в Крыму 16 марта 2014 года, являлся неконституционным как по крымской, так и по украинской конституциям. Кроме того, сообщения о явке на него и его результатах неправдоподобны. Результат этого референдума и незаконная аннексия Крыма Российской Федерацией не имеют поэтому юридической силы и не признаются Советом Европы. Ассамблея подтверждает свою решительную поддержку независимости, суверенитету и территориальной целостности Украины»¹⁰.

В пункте 79 указанного документа отмечалось: «Присутствие российских войск в Крыму регулируется базовым соглашением между

---

⁹ Полное наименование данного органа – «Комитет по соблюдению обязательств и обязанностей государств-членов Совета Европы (Committee on the Honouring of Obligations and Commitments by Member States of the Council of Europe)»

¹⁰ «The so-called referendum that was organised in Crimea on 16 March 2014 was unconstitutional both under the Crimean and Ukrainian Constitutions. In addition, its reported turnout and results are implausible. The outcome of this referendum and the illegal annexation of Crimea by the Russian Federation therefore have no legal effect and are not recognised by the Council of Europe. The Assembly reaffirms its strong support for the independence, sovereignty and territorial integrity of Ukraine» (Council of Europe. Parliamentary Assembly. Doc. 13482. Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions. Text adopted by the Assembly on 9 April 2014. 15th Sitting) // <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20712&lang=en>).

Россией и Украиной. Это соглашение позволяет России иметь до 25 000 военнослужащих в Крыму. Однако их движения строго ограничены и определены. Они должны оставаться на своих базах дислокации и могут быть перемещены за пределы своих баз только с явного согласия украинских властей, которого они не имели (и не имеют)»¹¹.

Не менее категоричными в оценке воссоединения Крыма с Россией оказались и профессора Вильнюсского университета, специалисты в области международного права Дэйниус Залимас (Dainius Žalimas) и Эрика Леонаите (Erika Leonaitė). Они заявили в статье «Аннексия Крыма и попытка оправдать ее в контексте международного права»: «С точки зрения современного международного права, действия Российской Федерации на Крымском полуострове, который является частью территории Украины, представляют собой незаконное применение силы и должны квалифицироваться как агрессия... Хотя в общем смысле международное право не регулирует право на отделение, системное толкование принципа самоопределения народов, наряду с принципом запрещения угрозы оружием или его применения силой и принцип территориальной целостности, определяет, что независимость не может быть провозглашена в условиях применения вооруженной силы иностранным государством. По этой причине “сецессия” Крыма, произошедшая в результате использования вооруженных сил России, а также включение Крыма в состав России, является незаконным с точки зрения международного права и не может толковаться как случай реализации права народов на самоопределение»¹².

---

¹¹ «The presence of Russian troops in Crimea is governed by the base agreement between Russia and Ukraine. This agreement allows Russia up to 25 000 military personal in Crimea. However their movements are strictly delimited and defined. They should remain in their bases of deployment and can only be moved outside their bases with the explicit agreement of the Ukrainian authorities, which they did (and do) not have» (ibidem).

¹² «From the point of view of contemporary international law, the actions of the Russian Federation in the Crimean peninsula, which is part of the territory of Ukraine, constitute an illegal use of force and should be qualified as aggression. .. Although in a general sense international law does not regulate the right to secession, the systemic interpretation of the principle of the self-determination of peoples, along with the

Спустя три года профессор Дэйниус Залимас повторил это мнение в новой публикации, но при этом объяснил, каким образом, с его точки зрения, Россия использовала свои вооруженные силы во время референдума о сецессии. По его словам, отделение Крыма от Украины произошло «в присутствии подконтрольных России незаконных вооруженных формирований и военизированных формирований, осуществивших фактический захват территории Крыма», блокировавших «украинские вооруженные силы и порты, в условиях широкомасштабных военных маневров российских вооруженных сил вдоль украинских границ», а также при постоянных заявлениях российского политического руководства «о готовности применить силу»¹³.

Приведенное мнение доминирует в книгах и статьях иностранных правоведов, посвященных юридической оценке воссоединению Крыма с Россией. Но оно не является единственным. Немецкий правовед, профессор Гамбургского Рейнхард Меркель в статье «Крым и международное право: холодная ирония истории», опубликованной в начале апреля 2014 года во «Frankfurter Allgemeine Zeitung», высказал в полемической форме другое, более взвешенное мнение: «Аннексировала ли Россия Крым? Нет. Являлись ли

---

principle of the prohibition on the threat or use of armed force and the principle of territorial integrity, determines that independence may not be proclaimed under conditions of the use of armed force by a foreign state. For this reason, the “secession” of Crimea, which took place as a result of the use of the armed force of Russia, as well as the incorporation of Crimea into Russia, is illegal in terms of international law and cannot be interpreted as a case of the realisation of the right of peoples to self-determination» (*Leonaitė E., Žalimas D. The Annexation of Crimea and Attempts to Justify It in the Context of International Law // Lithuanian Annual Strategic Review. 2015–2016. Vol. 14. P. 62*).

¹³ В полном виде высказывание авторитетного литовского правоведа-международника выглядит следующим образом: «Consequently, the so-called “secession” of Crimea, which took place as a result of the threat and use of armed force (in the presence of the Russia-controlled illegal military and paramilitary forces who performed the actual takeover of the territory of Crimea, blocked the Ukrainian armed forces and ports, in the face of wide-scope military maneuvers of the Russian armed forces along the Ukrainian borders, as well as the constant declarations by the Russian political leadership of the preparedness to use force) and the incorporation of Crimea into Russia are illegal in terms of international law and cannot be interpreted as the case of realization of the right of peoples to self-determination» (*Žalimas D. Lessons of World II and the Annexation of Crimea // International Comparative Jurisprudence. 2017. Vol. 3. Issue 1. P. 27*).

референдум в Крыму и его отделение от Украины противоречащими международному праву? Нет. Так значит они были законны? Нет; они нарушили украинскую конституцию (но это не вопрос международного права). Разве Россия не должна была из-за этого нарушения конституции отказаться от присоединения Крыма? Нет; украинская конституция не обязывает Россию. Так значит ее действия соответствовали международному праву? Нет; во всяком случае ее военное присутствие в Крыму за пределами арендованных территорий было незаконным с точки зрения международного права. Не следует ли из этого, что отделение Крыма, ставшее возможным только благодаря данному военному присутствию, недействительно и, таким образом, его последующее присоединение к России не что иное, как замаскированная аннексия? Нет»¹⁴.

Далее немецкий правовед пояснил, что такое аннексия, ссылаясь на статью 51 Устава ООН. «"Аннексией", — напомнил он, — в международном праве называется насильственный захват территории против воли государства, которому она принадлежит, другим государством. Аннексии нарушают межгосударственный запрет на насилие, составляющий основную норму правового миропорядка. Они периодически происходят в виде "вооруженного нападения (bewaffneten Angriffs)"¹⁵, наиболее серьезной формы межгосударственных правонарушений»¹⁶.

С позиции такого понимания аннексии Рейнхард Меркель делает фактически и логически обоснованный вывод о том, что произошедшее на Крымском полуострове в марте 2014 года являлось ничем иным, как сецессией, принятием декларации независимости, подтвержденной референдумом, который одобрил отделение Крыма от Украины. После завершения референдума последовала просьба со стороны Крымской автономной республики о присоединении к Российской Федерации, и Россия приняла эту просьбу.

---

¹⁴ Merkel R. Die Krim und das Völkerrecht. Kühle Ironie der Geschichte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. 7. April.

¹⁵ Статья 51 Устава ООН именно «вооруженное нападение на Члена Организации» считает основанием для возникновения «неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону».

¹⁶ Ibidem.

Подводя итог своим рассуждениям, немецкий правовед как бы ответил всем обвинителям России в аннексии Крыма: **«Сепаратизм, референдум и присоединение исключают аннексию, даже если все эти три действия нарушают международное право. Разница с аннексией, на которой вы настаиваете, примерно такая же, как между взятием и принятием. Даже если дающий — в данном случае де-факто правительство Крыма — действует незаконно, он не делает принимающего забирающим. Всю эту трансакцию можно считать недействительной по юридическим основаниям. Однако это не делает ее аннексией, хищническим захватом земель путем насилия, международно-правовым основанием для объявления войны»**¹⁷ (выделено мною. — В.Т.)

Взвешеную оценку общекрымского референдума 2014 года дал и президент Академии права при Таллинском университете, директор Института международного права Рейн Мюллерсон. В статье «Украина: жертва геополитики», опубликованной в 2014 году в «Китайском журнале международного права» он с уверенностью признал то, что не желают и спустя пять лет признать обвинители России в аннексии Крыма: «Нет никакого сомнения в том, что большинство крымчан, как и большинство граждан России, приветствовало воссоединение Крыма с Россией. С такой позиции это все может даже рассматриваться как легитимное, хотя и противоречащее международному праву»¹⁸. При этом эстонский правовед счел необходимым отметить, что данный референдум все же нарушил требования международного права, но по его мнению, не из-за противоречия Конституции Украины, а потому что проводился в обстановке, когда нарушался принцип неприменения силы со стороны России. Этим нарушением Рейн Мюллерсон посчитал

---

¹⁷ "Sezession, Referendum und Beitritt schließen eine Annexion aus, und zwar selbst dann, wenn alle drei völkerrechtswidrig gewesen sein sollten. Der Unterschied zur Annexion, den sie markieren, ist ungefähr der zwischen Wegnehmen und Annehmen. Auch wenn ein Geber, hier die De-facto-Regierung der Krim, rechtswidrig handelt, macht er den Annehmenden nicht zum Wegnehmer. Man mag ja die ganze Transaktion aus Rechtsgründen für nichtig halten. Das macht sie dennoch nicht zur Annexion, zur räuberischen Landnahme mittels Gewalt, einem völkerrechtlichen Titel zum Krieg» (ibidem).

¹⁸ Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. Issue 1. P. 141.

вполне законное присутствие российских войск в Крыму. «Надо только спросить, — заметил он, — было ли возможно проведение в Крыму референдума 16 марта без российских вооруженных сил?.. В случае отрицательного ответа, а, на мой взгляд, это будет единственно возможный ответ, Россия должна считаться нарушителем международного права. И это остается так, несмотря на то, что подавляющее большинство крымчан действительно выбрало интеграцию с Россией вместо того, чтобы остаться с Украиной»¹⁹.

На самом деле более уместным для правильной оценки общекрымского референдума являлся бы прямо противоположный вопрос: **если «подавляющее большинство крымчан действительно выбрало интеграцию с Россией вместо того, чтобы остаться с Украиной», то почему же тогда проведение в Крыму референдума было невозможно без российских войск?** Очевидно, что такое могло быть только в случае «каких-либо насильственных действий» со стороны властей Украины, лишавших народ Крыма его «права на самоопределение, свободу и независимость». Но такие действия осуждаются «Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Более того, народам, стремящимся реализовать свое право на самоопределение и сталкивающимся с препятствиями на этом пути, названной декларацией предоставляется право оказывать сопротивление насильственным действиям и добиваться в этом случае поддержки для осуществления своего права на самоопределение и «получать ее в соответствии с целями и принципами Устава».

Российские войска в Крыму и призваны были избавить народ Крыма от насильственных действий со стороны украинских властей или радикально настроенных националистов, лишавших его возможности провести референдум. «Принудительный эффект присутствия российских войск не был направлен ни на Декларацию независимости, ни на последующий референдум, — подчеркивал в своем описании крымского референдума Рейнхард Меркель. Они лишь обеспечивали возможность для того, чтобы данное событие произошло; на его исход они не оказали и не имели никакого

---

¹⁹ Ibidem.

влияния. Адресатами угрозы применения силы были не граждане и не парламент Крыма, но лишь солдаты украинской армии. Таким способом было предотвращено военное вмешательство Украинского государства с целью пресечения сецессии. Именно по этой причине российские вооруженные силы блокировали украинские казармы, а не контролировали избирательные участки»²⁰.

Необходимость применения войск для обеспечения мирного голосования граждан Крыма во время референдума 16 марта 2014 года диктовалась и обстановкой, сложившейся на Украине в результате произошедшего 21–22 февраля 2014 года государственного переворота. Целый ряд событий, произошедших во время переворота и вскоре после него, убедительно показывал крымчанам, что в случае, если они не предпримут решительных мер для своего спасения, их ожидает неминуемая расправа со стороны вооруженных украинских националистических группировок²¹. Не было никаких сомнений и в

---

²⁰ Merkel R. Die Krim und das Völkerrecht. Kühle Ironie der Geschichte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2014. 7. April.

²¹ Одним из фактов, убедительно показывающих к какому трагическому исходу для народа Крыма вели события, происходившие в феврале 2014 г. на Украине, является расправа над крымчанами, возвращавшими 20 и 21 февраля из Киева с акции «антимайдана». Восемь автобусов с молодыми людьми, защищавшими украинское государство, были под Корсунем, Черкасской области, атакованы вооруженными украинскими национал-экстремистами, ожидавшими их в засаде. «Они поджидали транспорт на импровизированных блок постах, останавливали автобусы, закидывали в окна бутылки с зажигательной смесью и камни, чтобы мы вышли оттуда, — рассказывали потом подвергшиеся нападению крымчане. — Мы вышли и попали в руки к настоящим извергам. Были и избиения палками, битами, камнями, пытки за то, что отказывались, стоя на коленях, петь гимн Украины, кричать «Героям слава!», за то, что разговариваем на русском языке, обзывали москалями и титушками. Транспорт наш расстреливали из ружей, некоторые автобусы сожгли вместе со всеми вещами и документами». Виктор Янукович, отстраненный от президентской должности, рассказывал впоследствии: «Я увидел оперативную информацию, как расстреляли около восьми автобусов с жителями Крыма, которые приезжали на мирную акцию под Верховной Радой. Были и фотографии, как расстреляли эти автобусы, потом их подожгли. Избивали этих людей. Один из автобусов взорвался, бензобак. Люди этим воспользовались и побежали в лес. А эти радикалы, молодчики в масках, открыли охоту в лесу. Люди, как могли, спасались». «Многие из них погибли. Но большая часть приехала в Крым», — закончил свой рассказ бывший президент Украины. (Убийства антимайдановцев под Корсунем // <http://mozgovouy-center.ru/ubiystva-antimaydanovcev-pod-korsun/>. См. также: 31 крымчанин-

том, что преступная группировка, захватившая в результате переворота верховную государственную власть на Украине, будет покровительствовать радикально настроенным украинским националистам, с помощью которых она добилась своей цели, и использует государственные институты для подавления любых попыток населения Крыма защитить себя от расправы и сохранить свою культуру. Это означало, что народ Крыма не мог рассчитывать на нормальную жизнь в рамках Украинского государства. Постоянный представитель Российской Федерации при Организации Объединённых Наций и в Совете Безопасности ООН В.И. Чуркин, выступая 13 марта 2014 года на заседании Совета Безопасности при обсуждении кризиса на Украине, заявил: «Ясно, что реализация права на самоопределение в форме отделения от существующего государства является чрезвычайной мерой. В Крыму такой случай по всей видимости возник в результате неконституционного, насильственного государственного переворота, осуществленного в Киеве радикальными националистами, а также прямых угроз последних навязать свой порядок на всю территорию Украины»²².

* * *

Исторический опыт показывает, что сецессия, выход какой-либо территории и проживающего на ней народа из состава государства, обыкновенно совершается на основе результатов референдума и путем принятия декларации о независимости. Юридическая оценка референдума о сецессии дается, как правило, исключительно с позиции государственного права той страны, где он проводится, и если ее конституция не предусматривает возможности его проведения, то такой референдум признается не соответствующим

антимайдановец пропал без вести после нападения под Кировоградом // НеФакт.Инфо. Новости Крыма, Севастополя и не только. 2014. 21 февраля // <https://nefakt.info/252441/>

²² «It is clear that the implementation of the right of self-determination in the form of separation from the existing state is an extraordinary measure. In Crimea such a case apparently arose as a result of a legal vacuum, which emerged as a result of unconstitutional, violent coup d'état carried out in Kiev by radical nationalists, as well as direct threats by the latter to impose their order on the whole territory of Ukraine» (Churkin V.I. Crimea referendum opponents manipulate detached norms of international law // <https://www.rt.com/news/unsc-ukraine-meeting-crimea-694/>).

конституционным нормам и, следовательно, незаконным. При этом игнорируются многие факты и обстоятельства, свидетельствующие о том, что референдум о сецессии является институтом не только внутригосударственного конституционного права, но и права международного.

В качестве примера можно привести принятое 21 марта 2014 года консультативным органом по конституционному праву при Совете Европы (так называемой «Венецианской комиссией»)²³ экспертное заключение по вопросу, совместимо ли с конституционными принципами решение Верховного Совета Автономной Республики Крым в Украине об организации референдума о том, чтобы стать субъектом Российской Федерации или восстановить Конституцию Крыма 1992 года. При ответе на этот вопрос юристы Совета Европы сделали следующие выводы:

1) «Конституция Украины, как и другие конституции государств-членов Совета Европы, предусматривает целостность страны и не позволяет проводить какой бы то ни было местный референдум об отделении от Украины. Это вытекает, в частности, из статей 1, 2, 73 и 157 Конституции. Эти положения в совокупности с разделом X Конституции показывают, что этот запрет применим также к Автономной Республике Крым, и Конституция Крыма не позволяет Верховному Совету Крыма назначать такой референдум. По украинской конституции допустимым мог бы являться только консультативный референдум о более широкой автономии».

2) «Обстоятельства в Крыму не позволяли провести референдум в соответствии с европейскими демократическими стандартами. Любому референдуму о статусе какой-либо территории должны предшествовать серьезные переговоры всех заинтересованных сторон. Таких переговоров не было»²⁴.

---

²³ «Венецианской комиссией» именуется учрежденная в 1990 г. в Венеции Европейская Комиссия за демократию через право (European Commission for Democracy through Law).

²⁴ Opinion on “whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea’s 1992 Constitution is compatible with constitutional principles”. Adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21-22 March 2014). Venice, 2014. P. 6. На титульном листе названного документа указано, что он составлен на основе комментариев

В 22-м пункте основного текста указанного документа признается, что «Венецианская комиссия не дала всесторонней оценки текущей ситуации в Крыму»²⁵. Приведенные выводы являются подтверждением этого признания: они умозрительны и односторонни по своему содержанию.

Приступая к ответу на вопрос о соответствии конституционным принципам решения Верховного Совета Автономной Республики Крым о проведении 16 марта референдума об отделении от Украины, Венецианская комиссия должна была сначала выяснить юридическую природу референдума о сецессии и решить, насколько обоснованным является взгляд на него с точки зрения исключительно конституционного права и не следует ли рассмотреть его с позиции геополитических интересов России, с учетом прошлой истории Крыма, принимая во внимание культурно-исторический тип крымского общества, настроения крымчан, состояние нынешней украинской государственности. И конечно же, юридическая оценка крымского референдума будет не адекватной, если игнорировать его международно-правовую сторону.

В пункте 17 экспертного заключения Венецианской комиссии от 21 марта 2014 года утверждается, что запрет Конституции Украины проводить референдум об отделении «никоим образом не противоречит европейским конституционным стандартам. Для конституций государств-членов Совета Европы скорее типично, что отделение не допускается». Действительно, можно привести только один случай, когда конституция европейского государства предусматривала возможность проведения референдума о выходе из

венгерского юриста, по истории сравнительного конституционного права из Венгрии Петера Пацолаи, специалиста по конституционному праву из Польши Ханы Сухоцкой, председателя Конституционного суда Болгарии Евгения Танчева и Карло Туори, профессора юриспруденции Хельсинского университета (Финляндия).

²⁵ Полный текст п. 22 Заключения Венецианской комиссии гласит: «Хотя Венецианская комиссия не провела всесторонней оценки текущей ситуации в Крыму, массовое публичное присутствие вооруженных (военизированных) сил не способствует демократическому принятию решений (While the Venice Commission has not made a comprehensive assessment of the current situation in Crimea, the massive public presence of (para)military forces is not conducive to democratic decision making)».

состава государственного союза, то есть придавала сецессии конституционный характер. Это статья 60 Конституционной хартии Государственного сообщества Сербии и Черногории, вступившей в силу 4 февраля 2003 года. В ней говорилось: «По истечении трехлетнего периода, государства-члены должны иметь право на инициирование процедуры для изменения своего государственного статуса или выхода из Государственного сообщества Сербии и Черногории. Решение о выходе из Государственного сообщества Сербии и Черногории должно быть принято по результатам референдума. Закон о референдуме должен приниматься государством-членом с учетом международно-признанных демократических стандартов».

Установленный трехлетний срок запрета проводить референдум о выходе из Государственного сообщества Сербии и Черногории истек 4 февраля 2006 года. И уже 2 марта того же года черногорский парламент единогласно принял закон о референдуме, а 21 мая он состоялся. На голосование был вынесен вопрос: «Желаете ли Вы, чтобы Республика Черногория стала независимым государством с полным международно-правовым суверенитетом?» По условиям референдума для получения Черногорией независимости требовалось 55% голосов участников референдума. 31 мая были подведены итоги голосования. Оказалось, что при общей явке 86, 5% за независимость Черногории проголосовало 55, 5% участвовавших в голосовании²⁶.

Результаты референдума были без промедления признаны ведущими мировыми державами. 3 июня 2006 года черногорский парламент принял Декларацию о независимости Черногории. Сербия в соответствии со статьей 60 Конституционной хартии 2003 года стала правопреемницей Государственного сообщества Сербии и Черногории.

Описанный случай конституционной сецессии уникален — он произошел благодаря редкому стечению обстоятельств. Государственный союз Сербии и Черногории был переходным политическим образованием в процессе распада Югославии: он

---

²⁶ В референдуме участвовало 400 000 черногорцев. Полпроцента голосов за независимость, превысивших барьер в 55%, дали всего 2 000 человек.

изначально считался союзом временным, что убедительно демонстрирует содержание статьи 60 его Конституционной хартии, в которой предусматривается порядок выхода из него Сербии или Черногории.

Обзор конституций европейских государств показывает, что даже если в них и провозглашается право народов или наций на самоопределение, оно никак не связывается с выходом этих народов или наций из состава государства²⁷. Можно поэтому согласиться с утверждением Венецианской комиссии о том, что для конституций государств-членов Совета Европы типичными являются ситуации, когда сецессия не допускается²⁸.

Данное утверждение Венецианская комиссия дополнила в пункте 18 своего экспертного заключения выводом, согласно которому «самоопределение понимается прежде всего как внутреннее самоопределение в пределах существующих границ, а не как внешнее самоопределение через отделение».

Этот вывод был заимствован составителями этого документа из доклада «Самоопределение и отделение в конституционном праве»,

---

²⁷ Весьма примечательной в этом плане является Конституция Хорватии 2010 г. В ее преамбуле говорится о «вечном праве хорватской нации на самоопределение и государственный суверенитет, включая незыблемое право на сецессию и ассоциацию как фундаментальные условия для мира и стабильности международного порядка», хотя при этом заявляется, что Республика Хорватия учреждается как «национальное государство хорватской нации и государство национальных меньшинств: сербов, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев, германцев, австрийцев, украинцев, русинов, боснийцев, словенцев, черногорцев, македонцев, русских, болгар, поляков, романцев (Roma), румын (Romanians), турков, валахов, албанцев и других, являющихся его гражданами». В первой же статье данной конституции объявляется, что «Республика Хорватия является унитарным и неделимым демократическим социальным государством», а в ст. 8 устанавливается правило, по которому «границы Республики Хорватия могут быть изменены только решением хорватского парламента». Таким образом юридически закрепляется право на самоопределение только для хорватской нации.

²⁸ Любопытный пример представляет собой Конституция ФРГ 1949 г. Право на самоопределение декларировалось в ее преамбуле, но не в качестве юридического инструмента для выхода какой-либо земли из состава федерации, а как принцип, призванный способствовать объединению западной Германии с восточной в единое государство. «Ко всему немецкому народу, — говорилось здесь, — обращается призыв довести до конца дело единства и свободы Германии, исходя из принципа свободного самоопределения».

одобренного Венецианской комиссией в декабре 1999 года. В его заключительной части говорилось: «Термин "**self-determination** (самоопределение)", в отличие от термина "**secession** (выход из состава государства)", никоим образом не является чуждым конституционному праву. Однако в конституционном праве нет ни общего признания права на самоопределение, ни общего определения тех, кто обладает им, ни его содержания. Более того, изученные конституции, в тех случаях, когда они признают право на самоопределение, не предусматривают процедур, которые бы позволили его осуществить. Процедурные нормы существуют только для модификации территориальных границ внутри государства, которая прямо не признается формой права на самоопределение»²⁹.

Основу конституции современного развитого государства составляет принцип народовластия. Референдум как способ выражения народной воли полностью ему соответствует. Он используется в случаях, когда необходимо решить вопросы о ратификации важных международных договоров, о введении в действие наиболее значимых законов, для принятия или изменения конституции. Причем в последнее десятилетие роль подобных референдумов в государственной политике европейских стран заметно возросла³⁰.

Однако проведение референдума по вопросу выхода какого-либо народа вместе с территорией, на которой он проживает, из состава

---

²⁹ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999. Venice, 1999. P. 13.

³⁰ Об этом свидетельствует, например, принятый во Франции 23 июля 2008 г. Конституционный закон, который внес целый ряд поправок в Конституцию Французской республики и существенно изменил содержание статьи 11, дававшей президенту полномочие «вынести на референдум любой касающийся организации публичных властей проект закона, допускающий одобрение с согласия общества или имеющий целью получить разрешение на ратификацию договора, который, не противореча Конституции, отразился бы на функционировании государственных институтов» (Конституция Пятой республики. 4 октября 1958 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Составитель В.А. Томсинов. М., 2012. С. 376). Теперь данная статья предоставляет президенту Франции полномочие выносить на референдум еще и законопроекты «о реформах, касающихся экономической или социальной политики государства или его политики в области защиты окружающей среды и публичных служб, содействующих этой политике».

государства европейскими конституциями почти всегда тем или иным образом запрещается. «Запрет сецессии в любом случае, как правило, вытекает из конституционных положений, касающихся ценностей, отрицаемых ею: неделимости, национального единства и еще чаще территориальной целостности»³¹, — говорится в цитированном выше докладе Венецианской комиссии «Самоопределение и сецессия в конституционном праве».

Описанная ситуация является вполне закономерной. Конституционное право призвано стоять на страже территориальной целостности государства, предотвращать любые возможности его распада, а значит и выход из его состава какой-либо территории. С этой точки зрения **любой референдум о выходе какой-либо территории из состава государства не соответствует предназначению конституционного права, является чужеродным для него институтом.** В 1999 году Венецианская комиссия признала эту истину, одобрив доклад «Самоопределение и сецессия в конституционном праве», в котором помимо прочего утверждалось: «В то время как *сецессия в самых общих чертах является чуждой конституционному праву*, право на самоопределение, подразумеваемое прежде всего как внутригосударственное, является элементом, который часто включается в конституционное право, но при этом требуется отделять его от сецессии»³² (курсив мой. — В.Т.). Очевидно, что признание сецессии чужеродным для конституционного права институтом подразумевает признание таковым и референдума о сецессии.

Надо признать, что **референдум о сецессии является неконституционным по самой своей юридической природе. Он не нарушает конституции, поскольку его неконституционность есть свойство всегда ему присущее.**

Экспертное заключение Венецианской комиссии от 21 марта 2014 года о несоответствии референдума об отделении Крыма от Украины украинской и крымской конституциям всего лишь подтверждает факт его неконституционности, присущей ему по юридической природе.

³¹ Self-Determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999. Venice, 1999. P. 13.

³² Ibidem.

В отличие от референдумов по вопросам принятия законов или важных для общества политических решений, референдум о сецессии имеет международно-правовую природу: он должен быть признан институтом международного права. Именно с такого рода референдума обычно начинается процедура осуществления права народа на самоопределение путем его выхода из состава государства.

Референдум, состоявшийся в Крыму 16 марта 2014 года, стал основанием для вхождения Автономной Республики Крым и города Севастополя в состав России в качестве субъектов Российской Федерации. Это обстоятельство является дополнительным поводом для рассмотрения и оценки его прежде всего с точки зрения международного права, а не Конституции Украины.

Профессор юридического факультета Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана³³ Кристиан Вальтер, специализирующийся на исследовании проблемы самоопределения, оценивая юридическую природу крымского референдума, сделал следующий весьма примечательный вывод: «Во избежание недоразумений следует подчеркнуть, что сам факт того, что какая-то общность желает присоединиться к другому государству, не исключает его требования из сферы института самоопределения. Тем не менее, в этом случае ситуация отличается от обычной, потому что необходимо принять во внимание международно-правовые обязательства третьего государства. Интеграция в соседнее государство неизбежно приводит к изменению границ между двумя государствами. То, что берется из Украины, отдается России. Что же касается претензий на отделение с целью получения независимости, то с точки зрения международного права следует смотреть только на взаимоотношения между отделяющейся общностью и ее родительским государством (то есть на вопрос, который до того, как сецессия осуществится, кажется чисто внутренним). Напротив, претензии на отделение для того, чтобы затем быть интегрированным в другое государство, затрагивает также международно-правовые отношения между двумя соответствующими государствами. Поэтому

---

³³ Ludwig-Maximilians-Universität München

именно к этим отношениям следует повернуть анализ, касающийся Крыма»³⁴.

Международно-правовая природа референдума о сецессии подтверждается и практикой международных отношений, которая показывает, что референдум такого рода нередко инициируется Советом Безопасности ООН. Например, 27 июня 1990 года этим международным органом была принята резолюция № 658, в которой, помимо рекомендации о прекращении боевых действий между Марокко и Фронтом Полисарио, предлагалось провести под контролем ООН референдум, позволяющий народу Западной Сахары сделать выбор между независимостью и вхождением в состав Марокко³⁵.

Резолюцией Совета Безопасности от 11 июня 1999 года был инициирован референдум о выходе Восточного Тимора из состава Индонезии³⁶. Он был проведен 30 августа в того же года и дал в пользу независимости 78, 5% голосов из 439 000 человек, зарегистрированных в качестве имевших право голоса³⁷. В результате 20 мая 2002 года Восточный Тимор был объявлен суверенным государством — Демократической республикой Восточный Тимор.

---

³⁴ *Walter Ch. Postscript: Self-Determination, Secession, and the Crimean Crisis 2014 // Self-Determination and Secession in International Law. Oxford, 2014. P. 298.*

³⁵ Этот референдум до сих пор так и не был проведен.

³⁶ С 1702 г. Восточный Тимор являлся колонией Португалии. 28 ноября 1975 г. он официально стал самостоятельным, независимым государством, но спустя 9 дней — 7 декабря — подвергся агрессии со стороны Индонезии и был включен в нее качестве провинции.

³⁷ В течение всего 25-летнего периода оккупации Восточного Тимора власти Индонезии проводили, при поддержке США, политику геноцида в отношении местного населения. После референдума индонезийские войска обрушили на сторонников независимости Восточного Тимора жестокие репрессии. Исследователь Института по изучению безопасности западно-европейского союза Мартин Ортега в своей статье с примечательным названием «Независимость Восточного Тимора: угроза единству Индонезии» указывает, что в первый месяц после референдума было убито приблизительно 30 000 жителей Восточного Тимора, 130 000 было изгнано из местностей, в которых проживали. ООН отреагировала на эти эксцессы вводом 20 сентября в Восточный Тимор интернациональных вооруженных сил, которые сумели прекратить вакханалию убийств местных жителей (*Ortega M. La independencia de Timor Oriental: ¿Peligra la unidad de Indonesia // Política Exterior. 2000. Vol. 14. No. 73. P. 37*)

Международно-правовая природа референдума о сепарации предопределяет невозможность обеспечить его правовое регулирование нормами только конституционного права. Однако и в рамках международно-правового порядка право народа на самоопределение путем выхода из состава государства, в котором он пребывает, также не имеет надлежащего юридического механизма для своего осуществления. «Современное международное право не предоставляет права на одностороннюю сепарацию, однако и не отрицает такого права»³⁸. Данный вывод был единодушно поддержан участниками американской региональной конференции по теме «Сепарация и международное право», которая проходила в университете Санта-Клары с 31 января по 2 февраля 2001 года.

Оценивая общекрымский референдум 2014 года с юридической точки зрения, необходимо иметь в виду, что при всех своих правовых недостатках **он обеспечил мирное разрешение конфликта, который не мог быть разрешен на основе конституционного права Украины и международного права.**

Данный конфликт возник не в 2014 году, а по меньшей мере четверть столетия назад. И вызван он был начавшимся в конце 80-х годов XX века распадом СССР. Свидетельством этому служит общекрымский референдум 20 января 1991 года. Вынесенный на голосование вопрос («Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?») явно предполагал выход Крыма из состава Украины. Он проводился на основе Закона СССР от 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» и был признан законным верховной государственной властью Украины. Крыму был придан статус автономной республики, хотя при этом ему не позволили стать субъектом СССР, несмотря на выраженное подавляющим большинством крымчан желание этого.

---

³⁸ Conclusions and Recommendations of the Americas Regional Conference // Secession and International Law. Conflict Avoidance: Regional Appraisals. Prepared under the auspices of the Consortium on International Dispute Resolution, Geneva / Edited by Julie Dahlitz. New York and Geneva, 2003. P. 265–266

Общекрымский референдум 2014 года стал в сущности своей **повторением референдума 1991 года**, а выход в результате его Крыма из состава Украины и воссоединение с Россией – **продолжением распада СССР**. Если признать крымский референдум нарушающим конституционное право Украины и международное право, то в таком случае надо признать антиконституционным и противоречащим международному праву также украинский референдум 17 марта 1991 года по вопросу «Поддерживаете ли вы Декларацию о государственном суверенитете Украинской ССР от 16 июля 1990 года?» (он проводился одновременно со всесоюзным референдумом). Принятая 16 июля 1990 года Верховным Советом Украинской ССР «Декларация о государственном суверенитете»³⁹ провозгласила в нарушение Конституции СССР, что «Украинская ССР как суверенное национальное государство развивается в существующих границах на основе осуществления украинской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение». «Акт провозглашения независимости Украины», принятый Верховным Советом УССР 24 августа 1991 года также нарушал Конституцию СССР.

Конфликты, связанные с выходом какой-либо территории из состава государства всегда чрезвычайно сложны для юридической оценки и чаще всего не могут быть разрешены на основе международно-правовых норм⁴⁰. Такие конфликты, как правило, несут в себе опасность гражданской и даже межгосударственной

³⁹ Декларация про державний суверенитет України // Відомості Верховної Ради УРСР. 1990. № 31. Ст. 429.

⁴⁰ Международная комиссия, в 1920 году Советом Лиги Наций для разрешения спора между Финляндией и Швецией о принадлежности Аландских островов, который возник после распада Российской империи и образования самостоятельного Финляндского государства, рассмотрев обстоятельства этого конфликта, пришла к мнению: «С точки зрения внутреннего и международного права, формирование, трансформация и расчленение государств в результате революций и войн создает фактические ситуации, которые в значительной степени **не могут быть разрешены путем применения обычных норм позитивного права**» (выделено мною. – В.Т.). Подробнее о международно-правовых аспектах спора между Финляндией и Швецией о принадлежности Аландских островов см.: *Томсинов В.А. «Крымское право», или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией.* М., 2015. С. 11–14.

войны, массовых бедствий для людей, а потому их мирное разрешение уже только по одной этой причине является всецело оправданным с точки зрения духа международного права, главным предназначением которого является поддержание мира на Земле.

Очевидно, что в этих условиях прямое волеизъявление народа, стремящегося по разным основаниям к выходу из состава государства для того, чтобы создать собственное самостоятельное государство или войти в состав другого государства, является едва ли не единственным способом мирного разрешения опаснейшего конфликта и потому приобретает повышенное юридическое значение.

Юридическая оценка референдума о сепарации должна учитывать действительную обстановку, в которой он проводится. Только при этом условии она будет по-настоящему обоснованной. Любой демократический институт имеет массу недостатков. Выборы в парламент или на пост главы государства редко приводят к власти достойных высокой государственной должности людей, но если они позволяют народу выразить истинную свою волю, то являются законными и вполне оправданными с точки зрения высших интересов общества и государства. Ведь главное предназначение таких выборов не в отборе лучших людей во власть, а в мирном разрешении конфликта между различными политическими партиями или группировками, неизбежного при их борьбе за высшие государственные должности.

Общекрымский референдум 2014 года сохранил мир и дал крымчанам возможность выбрать для себя более благоприятное будущее. Успешное развитие экономики Крымской автономной республики, рост благосостояния ее жителей за время, прошедшее после воссоединения Крыма с Россией показывает, что выбор, сделанный его населением, оказался правильным, в полной мере соответствующим его интересам.

Правоведы и политики часто самопроизвольно или сознательно отождествляют международное право с правом внутригосударственным, хотя два этих явления существенно отличаются друг от друга. На международной арене нет и не может быть такой государственной власти, которая стоит за правом, действующим внутри страны. Нет и

такой законодательной власти, которая существует в том или ином государстве и обеспечивает единое толкование международно-правовых актов. Языковые различия также препятствуют созданию единых по своему смыслу международно-правовых документов. Точного перевода на иностранные языки не бывает, а потому одни и те же международно-правовые нормативные документы воспринимаются и понимаются по-разному правоведами и политиками различных стран, цивилизаций, культур. Нормативный материал международного права сильно отличается от нормативной системы внутригосударственного права.

Поэтому стремление оценивать референдум о сецессии, проводимый в обстановке острейшего конфликта, чреватого войной, только на основе позитивистского подхода и единственно с позиции норм и принципов международного права, в отрыве от исторических фактов, без учета той реальной обстановки, в которой он проводится, противоречит сущности и духу международного права.

Немецкий правовед Рудольф Иеринг считал позитивистский подход к юридической оценке общественных явлений ложным, искажающим реальную картину правовой жизни. «Позитивизм, — говорил он в речи «Является ли юриспруденция наукой?», — это смертельный враг юриспруденции, так как он опускает ее до уровня ручного инструмента, и поэтому с ним юриспруденция должна бороться не на жизнь, а на смерть»⁴¹.

Для международного права позитивистский подход является не просто вредной, но и абсолютно чуждой методологией. На международной арене намного чаще возникают конфликты, которые не укладываются в рамки существующих в международном праве норм и принципов и неразрешимы путем переговоров между руководителями государств. Глас народа в таких случаях действительно получает значение «гласа божьего». А референдум как форма выражения воли народа приобретает самостоятельную юридическую силу. Принцип народовластия — основополагающий принцип устройства современного государства, предполагающий право народа брать в

---

⁴¹ Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft?: Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868. Göttingen, 1998. S. 50.

свои руки решение любых вопросов и конфликтов, которые неспособны разрешить надлежащим образом властвующие персоны.

С этой точки зрения и следует в первую очередь оценивать референдум о сецессии. И в конституционном праве, и в праве международном данный институт народовластия играет в высшей степени положительную роль: он способствует мирному разрешению жизненно важных для народа проблем в условиях, когда носители государственной власти оказываются по тем или иным причинам не в состоянии их разрешить, когда отсутствуют другие оптимальные способы и процедуры их разрешения. Решения, принятые народом на такого рода референдуме, в сущности имеют значение источника права, который заполняет пробелы в конституционном и международном правовом поле.